

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tuurww>

Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе

Погребная Наталья Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Elibrary Author SPIN: 7358-2330

n.pogrebnaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются риски и угрозы сетевой коммуникации детей в условиях развития современного цифрового общества. Представлен анализ процесса киберсоциализации подростков, классификация контента в зависимости от его влияния на развитие детей и подростков (конструктивный, нейтральный, деструктивный). Описаны риски и угрозы информационно-психологического воздействия посредством сети Интернет с использованием различных технологий, распространенных в сетевом пространстве в целом и в социальных сетях в частности. Помимо информационно-психологического воздействия, через социальные сети возможно формирование мобилизационного потенциала детей и подростков. Описаны разновидности сообществ, распространенных в социальных сетях и способных оказать деструктивное влияние на детей и подростков, а также технологии вовлечения детей и подростков в данные сообщества. Рассмотрены последствия негативного воздействия сети Интернет на детей и подростков, такие как формирование клипового мышления, отсутствие критического мышления, изменение норм и ценностей, формирование патологических интернет-зависимостей, способствующих формированию новых уязвимостей детей и подростков.

Ключевые слова: угрозы, риски, дети, подростки, киберсоциализация, информационно-психологическое воздействие, деструктивный контент, деструктивные сообщества

Цитирование: Погребная Н. С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 1. С. 19–30. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30>

Поступила 14.11.2023. Принята после рецензирования 20.12.2023. Принята в печать 22.12.2023.

full article

Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society

Natalya S. Pogrebnaya

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Elibrary Author SPIN: 7358-2330

n.pogrebnaya@mail.ru

Abstract: The article examines the risks and threats of children's network communication in the context of the modern digital society development. The author presents analysis of the adolescents' cybersocialization process, and the classification of content depending on its impact on the children and adolescents' development (constructive, neutral, destructive). The article describes risks and threats of information-psychological impact exerted using various technologies common on the Internet and in social networks. In addition to information-psychological impact, it is possible to form the mobilization potential of children and adolescents through social networks. The research considers the types of social networks communities capable of having a destructive impact on children and adolescents, as well as technologies for involving children and adolescents in these communities. The author deliberates consequences of the Internet's negative impact on children and adolescents, such as the formation of mosaic thinking, lack of critical thinking, changes in norms and values, pathological Internet addictions that contribute to the vulnerabilities of children and adolescents.

Keywords: threats, risks, children, adolescents, cybersocialization, information-psychological impact, destructive content, destructive communities

Citation: Pogrebnaya N. S. Risks and Threats of Children's Online Communication in Digital Society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 19–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30>

Received 14 Nov 2023. Accepted after peer review 20 Dec 2023. Accepted for publication 22 Dec 2023.

Введение

На сегодняшний день интернет-технологии прочно вошли во многие сферы жизни современного общества. По данным отчета Digital 2023: global overview report, на январь 2023 г. в мире насчитывается 5,16 млрд интернет-пользователей, т.е. 64,4 % всего населения мира¹. В России на январь 2023 г. насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, что составляет 88,2 % от всего населения страны². С учетом общедоступности информации и развития цифровых технологий возникают быстрые коммуникативные практики, платформы взаимодействия, дополняющие или преобразующие традиционные практики общения между людьми, новый характер межличностных отношений. За счет массового распространения и всеобщего использования Интернет становится не только средством для общения, но и некой коммуникативной средой (сферой), в которой пользователи принимают и реализуют различные решения, могут удовлетворять свои и / или консолидированные потребности, создавать и реализовывать продукты своей деятельности. Таким образом, процесс общения и социального взаимодействия трансформируется в повседневные виртуальные коммуникации, а появившиеся недавно социальные практики обретают рутинный и размеренный с точки зрения сетевой скорости взаимодействия характер. Быстрые и динамичные сетевые коммуникации формируют новые правила взаимодействия, новые инструменты и каналы повседневного общения, в которые включаются практически все без исключения категории граждан.

По мнению И. Н. Розиной, интернет-коммуникация представляет собой коммуникативный процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде, чаще всего посредством вербальных средств коммуникации (текстов, графики, аудио-, видео-файлов и изображений), инициирующий формирование интернет-сообществ в особую форму самопрезентации [1], обладающую характеристиками высокой структурной проводимости и реактивными

коммуникациями. Ключевыми характеристиками интернет-коммуникации являются: относительная анонимность; опосредованность (осуществляется при помощи технических средств); дистантность в пространстве и времени; доступность; интерактивность и мультимедийность; возможность межкультурной коммуникации; отсутствие статусной иерархии; наличие возможностей для конструирования личной и социальной идентичности; размывание норм поведения и морали, стремление к ненормативному поведению; диалогичность и добровольность контактов; гипертекстуальность; передача эмоций, мимики, чувств с помощью графических средств; объединение различных типов дискурса и пр. [2; 3].

Цифровизации и проблемам сетевых коммуникаций посвящено множество зарубежных и отечественных исследований. Проблемы конфиденциальности данных пользователей социальных сетей рассматривают ученые из Стамбульского университета S. Taheri-Boshrooyeh et al. По их мнению, одной из основных проблем социальных сетей является недостаточная безопасность и конфиденциальность персональных данных пользователей. В отличие от сети Интернет, которая представляет собой систему, основанную на контенте, социальные сети основываются на информационных полях пользователей, создающих и потребляющих соответствующий контент. Социальные сети имеют централизованную структуру, данные в которой находятся в облачном хранилище, что создает угрозу конфиденциальности, т.к. личная информация может быть использована разработчиками социальных сетей, а через них и третьими лицами [4]. D. T. Slaughter-Defoe, Z. Wang описывают проблему защиты детских данных в эпоху цифровых технологий. Рассматривая эволюцию защиты детей и информационной безопасности в сети Интернет, ученые пришли к выводу, что успешная защита детской информации в Интернете требует понимания процессов развития

¹ Kemp S. Digital 2023: Global Overview Report. *DataReportal*. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=PDF&utm_campaign=Digital_2023&utm_content=Global_Overview_Foreword (accessed 16 Oct 2023).

² Kemp S. Digital 2023: The Russian Federation. *DataReportal*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation> (accessed 14 Oct 2023).

и социализации детей и подростков, а также признания роли культурной передачи в становлении когнитивных способностей личности, поведения и навыков [5]. Многие работы посвящены теме кибербуллинга. Р. J. R. Macaulay, L. R. Betts в своем исследовании рассматривают сетевые практики кибербуллинга, его влияние на молодежь и то, как его негативные последствия распространяются на школьную среду. Подчеркивается модулирующая роль учителей, их опыта и знаний в предотвращении кибербуллинга [6].

Наряду с множеством положительных свойств Интернета и интернет-коммуникаций, развитие цифровой среды ведет к появлению различных рисков и угроз, а также возникновению более глубокого и тесного уровня взаимодействия, способных оказать негативное влияние как на отдельного человека, так и на все общество в целом. По мнению У. Бека, современное общество представляет собой общество риска в динамике своего развития. В своей работе «Общество риска: на пути к другому модерну» в числе прочего он связывает риск с избыточностью научно-технического прогресса и отмечает, что современное общество подвергает риску само развитие цивилизации [7]. Поэтому с развитием цифровых технологий общество неизбежно сталкивается с абсолютно новыми рисками и угрозами, которые ранее не были для него характерны.

Особенно воздействию цифровых рисков и угроз подвержены подростки, которые в силу своего психофизиологического развития не способны сформировать эффективные механизмы противодействия и защиты. Помимо этого, дети первыми встречают цифровые достижения прогресса – открыто и непринужденно, как бы играючи. По данным портала Mediascope, уполномоченного измерять объем интернет-аудитории, на март 2023 г. охват подростков в возрасте 12–17 лет в сутки составляет 94 %, в среднем они проводят в Интернете 6 часов 29 минут в день³. Это говорит о том, что на сегодняшний день Интернет стал одним из факторов формирования детского информационного общества.

Широкое распространение информационных технологий в детской и подростковой среде оказало значительное влияние на процесс социализации. Это связано с тем, что прежние институты, существовавшие социализации, отчасти утратили свою значимость либо получили новое качественное развитие и межинституциональное сочетание. Параллельно с традиционным процессом социализации

современный подросток проходит и процесс виртуальной социализации, т.е. процесс вхождения пользователя Интернета в социокультурную среду локальных сообществ посредством освоения технологий коммуникации, информационной культуры, социальной навигации, информационной грамотности, а также социальных норм, ценностей и ролевых требований [8]. При этом виртуальная социализация отличается от традиционной тем, что она является опосредованной, т.е. может протекать только при наличии информационно-телекоммуникационных технологий. Они могут являться как средой социализации, так и фактором, определяющим причину и силу влияния деструктивных и разрушительных проявлений [9] в современном обществе.

Методы и материалы

Виртуальная социализация детей и подростков является частью современной практики коммуникаций и проходит в несколько этапов. На первом этапе дети впервые соприкасаются с цифровой средой, происходит обучение электронной грамотности, навыкам навигации и пр. На втором этапе происходит приобретение личного опыта, полученные ранее знания трансформируются через творческую или профессиональную деятельность, усваиваются роли и ценности Интернет-сообщества, в котором взаимодействует подросток. Таким образом, он переходит к третьему этапу виртуальной социализации, когда уже может выступать не только потребителем, но и производителем некоего информационного продукта или услуги (к данному этапу переходят не все пользователи).

В исследовании предлагается рассматривать методы и инструменты сетевого социологического подхода Н. Лумана в сочетании с приемами получения качественных данных цифрового контент-анализа (анализ социальных групп, сетей и сообществ молодых пользователей).

В процессе виртуальной социализации подростки ведут интернет-коммуникацию, основными характерными чертами которой являются: высокая степень оперативности, т.к. интернет-коммуникация не зависит ни от времени, ни от пространства; опосредованность, поскольку общение происходит с использованием интернет-технологий и гаджетов, может носить анонимный характер, что позволяет преодолевать преграды традиционного общения (дефекты речи, недостатки внешности, разницу в социальном статусе и пр.). Также общение в сети

³ Бороздина Н. Финтех-тренды в медиапотреблении. *Mediascope*. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/664/ezgwhukt1qou5xfpydpushlq52p51668/Финтех-тренды%202023%2022032023.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

воспринимается подростком как ненастоящее, что подразумевает отсутствие ответственности и стрессогенного фактора, которые присущи традиционной коммуникации. В целом, с точки зрения теории Н. Лумана целесообразно рассматривать саморазвивающуюся и самовоспроизводящуюся (аутопойезисную) систему, которая формируется и существует за счет межличностных коммуникаций пользователей и зависит от процесса передачи информации между членами коммуникационной сети [10].

Результаты

Сетевое пространство стало средой массового распространения информации, или так называемого контента (от англ. content – содержание), который оказывает воздействие на детей и подростков. По влиянию на детей и подростков можно выделить, во-первых, конструктивный контент, т.е. информацию, которая способствует формированию новых знаний, умений, развитию новых компетенций детей и подростков, с помощью которых реализуются общественно-полезные цели и задачи. Примером такого контента могут служить различные познавательные и научные материалы; материалы для подготовки к аттестационным экзаменам и пр. Во-вторых, нейтральный контент – это информация, которая не оказывает существенного влияния на детей и подростков, к примеру, развлекательный контент соответствующего возрастного ценза. В-третьих, это может быть деструктивный контент который может нанести детям и подросткам вред или сподвигнуть их к причинению вреда другим [11].

Деструктивный контент может быть представлен в виде разнонаправленной информации:

- пропагандирующая насилие (колумбайн⁴ и пр.);
- пропагандирующая сексуальные девиации (вовлечение детей в онлайн-проституцию, порноиндустрию, пропаганда педофилии и нетрадиционных ЛГБТ ценностей);
- вовлекающая в противоправную деятельность (пропаганда суицидального поведения, игровые постановочные кражи в магазинах, наркоиндустрия) и социально-неприемлемые формы поведения (наркопотребление, потребление психотропных веществ и алкоголя, пропаганда рискованных форм поведения: ругательства, зацепинга, пищевых расстройств и пр.);

- разглашающая конфиденциальные сведения (социоинженерная деятельность, хакерство);
- создающая угрозу нарушения общественного порядка и общественной безопасности (пропаганда криминальной субкультуры, например, АУЕ⁵ и др., досуг в форме алкогольно-сексуальных вечеринок);
- индифферентный дискурс (рост апатии и уныния среди молодых пользователей, например, «дед инсайд» – депрессивно-ироничное молодежное течение);
- дискредитирующая деятельность органов государственного управления и вооруженных сил РФ (например, распространение фэйковой информации о проведении специальной военной операции на Украине).

Негативные последствия восприятия детьми и подростками деструктивного контента, содержащего сцены насилия, выражаются в их поведении, эмоциональном состоянии и когнитивном образе мира: они постоянно или эпизодически воспроизводят модели агрессивного поведения в реальной жизни; возникают страхи, повышенная тревожность и эмоциональная неустойчивость.

Потребление детьми и подростками откровенного, провоцирующего сексуального контента приводит к серьезным нарушениям их психосексуального развития, а также формирования половой и гендерной идентичности. Последствия потребления деструктивного контента такого рода проявляются на поведенческом, ценностном, эмоциональном и когнитивном уровнях в форме деформации установок и ценностей, подражания социально табуированным девиантным формам сексуального поведения, снижения чувствительности к его патологическим формам, акселерации полового развития или инициирования патологического сексуального влечения [12].

По периодичности распространения деструктивный контент может быть событийным, т.е. происходить в преддверии социально-значимого события, и фоновым, происходящим вне зависимости от определенных событий или дат. По формату деструктивный контент может быть представлен в форме текста, аудио и видео, изображений и компьютерных игр. По характеру причиняемого вреда и степени потенциальной опасности деструктивный

⁴ Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») признано террористическим и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ № АКПИ21-1059С от 02.02.2022.

⁵ Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) признано экстремистским и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020 и дополнительным решением Верховного Суда РФ от 02.10.2020.

контент может быть разделен на противоправный и токсичный. Противоправный контент – информация, размещаемая в сетевом пространстве, которая запрещена к распространению на территории РФ, а за ее распространение предусмотрена уголовная или административная ответственность. Токсичный контент – информация, распространение которой не содержит признаков уголовного или административного правонарушения, но оказывает негативное информационно-психологическое воздействие на сознание ее потребителей, что побуждает их действовать вразрез с общественно-одобряемыми моделями поведения [11].

Распространение в сети деструктивного контента преобразует мировоззрение подростков по технологии окна Овертона, которая позволяет нормализовать и легализовать социально-неприемлемые идеи и морально недопустимые явления. Согласно теории, предложенной Дж. Овертоном, любую идею можно нормализовать, если последовательно транслировать ее в информационном пространстве и переводить в новый ранг по шкале *немыслимо – радикально – приемлемо – разумно – популярно (стандартно) – норма (легально)*. Таким образом информация получает общественное одобрение [13].

Цифровизация несет новые риски и угрозы для современных детей и подростков. Распространяемая в сети информация (однообразная, низкокачественная и малоинформативная) способствует тому, что у подростков формируется клиповое мышление, в результате чего они плохо воспринимают длинные тексты, не способны улавливать причинно-следственные связи и длительное время концентрировать внимание на определенном виде деятельности; наблюдается ограничение способности к целенаправленной деятельности. Развитие интернет-коммуникации препятствует нормальному взаимодействию подростков в реальной социальной группе, приводит к утрате эмпатии, поэтому деструктивный контент воспринимается ими как допустимый, а не отвергается или игнорируется [14]. Наличие большого количества автоматизмов в ежедневной деятельности подростков выключает критическое осмысление или рефлексии, хотя и снижает риски неопределенности в организации и поиске новых знаний и навыков посредством цифровой среды.

Информационное пространство играет существенную роль в развитии моральной и ценностно-смысловой сфер подростков. В силу своих возрастных особенностей дети и подростки испытывают трудности ценностного самоопределения в условиях изменчивости, неопределенности и нарушения межпоколенной трансляции. Все это способствует

отрыву ребенка от культурных традиций общества, его истории. На смену нормам и ценностям, характерным традиционному российскому обществу, приходят ценности общества потребления и асоциального поведения, противоречащие гуманистическим нравственным нормам и системам ценности. Все перечисленное создает значительную угрозу нормальному моральному развитию детей и подростков.

Сегодня дети и подростки в сети Интернет не только получают информацию или развлекательный контент, они также удовлетворяют свои потребности в общении, реализации, автономии и пр. При этом происходит погружение в виртуальный мир, что, по мнению Г. В. Солдатовой и др., сопровождается ощущением полного контроля и владения ситуацией, формированием мнимого чувства безопасности, являющегося одной из базовых человеческих ценностей [15]. Все это способствует формированию зависимости от сети Интернет. Могут возникать патологические зависимости от игр, в т.ч. от азартных онлайн-игр; виртуальных знакомств, в т.ч. с лицами с противоправным поведением; общения в неформальных молодежных группах, которые могут характеризоваться криминальными проявлениями (терроризм, экстремизм и пр.); просмотра видеоконтента и пр. Подросткам зачастую сложно контролировать время, проведенное в сети Интернет, поэтому прочим видам деятельности не уделяется должного внимания [16].

Перечисленные выше последствия воздействия сети Интернет на несовершеннолетних являются факторами формирования уязвимости детей и подростков. В силу их психофизиологических особенностей, недостаточности объема знаний, трудностей адаптации это является отличной базой для информационно-психологического воздействия и вовлечения в противоправную деятельность.

Использование самого термина *информационно-психологическое воздействие* можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, акцент сделан на целевую функцию информации как средства воздействия на людей; во-вторых, объектом данного воздействия является психика человека. По мнению А. Г. Караяни и Ю. П. Зинченко, информационно-психологическое воздействие представляет собой один из видов психологического воздействия с использованием информации, которое сопровождается изменением установок, намерений, представлений, оценок, состояния и поведения человека, на которого оно было направлено [17].

Основными характеристиками информационно-психологического воздействия являются скрытость от объекта воздействия и манипулятивный характер,

поскольку такое воздействие осуществляется с целью побуждения субъектов к действию, порой даже в ущерб собственным интересам, в угоду отдельным лицам, группам или организациям, осуществляющим воздействие. Особо подвержены воздействию дети и подростки, у которых отсутствуют механизмы защиты.

Информационно-психологическое воздействие можно разделить на два основных вида: побуждение и принуждение. Побуждение представляет собой открытое воздействие на сознание объекта, в результате которого происходит формирование мотивации к совершению определенных поступков. Основными способами формирования мотивации являются убеждение; разъяснение; информирование; обсуждение, согласование; сравнение; воспитание; содействие, поддержка; изменение настроения (психологического состояния); формирование психологического фона и др.

Принуждение – это вид информационно-психологического воздействия на сознание объекта, в результате которого происходит формирование мотивации к обязательному совершению определенных поступков вопреки собственной воле или желанию. По отношению к объекту воздействия принуждение может быть открытым (основанным на юридических нормах и нормах социального поведения) либо тайным / скрытым (дезинформация, манипуляции, агрессивная пропаганда, шантаж и пр.) [18]. В контексте нашего исследования особый интерес представляет именно скрытое принуждение детей и подростков, являющееся одной из форм информационно-психологического воздействия.

Сама информация, используемая в процессе информационно-психологического воздействия, может быть объективной и необъективной; достоверной (ложная информация, дезинформация) и искаженной (направленная информация, тенденциозная). Распространение в сети недостоверной информации приводит к тому, что дети и подростки усваивают ценности, нормы и модели поведения, а также формируют картину мира, которые по сути являются искаженными. Создание и распространение недостоверной информации или фейков способствует возникновению паники, дезорганизации поведения. Яркой иллюстрацией данного тезиса является информация, распространявшаяся во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Однако, помимо ложной информации или фейков, существует такая разновидность недостоверной информации, как фактоид, который представляет собой разновидность маскируемого вымысла, содержание которого кажется правдоподобным,

тиражируемого в сети под видом общественно значимой информации. Главной отличительной чертой фактоида от фейковой информации является то, что он обладает качеством правдоподобия, претендуя на статус факта с целью манипуляции аудиторией, в т. ч. подростковой. Фейковая информация качеством достоверности не обладает, поэтому для нее характерно больше развлекательно-игровое осмысление.

Отличительные характеристики фактоидов:

- распространяются в соответствии с актуальным инфоповодом;
- содержат эмоционально окрашенную лексику;
- используют прием гиперболизации;
- имеют специфическое грамматическое оформление;
- распространяются анонимно;
- характеризуются субъективностью;
- быстро распространяются в интернет-пространстве;
- сопровождаются яркими видеороликами, изображениями;
- содержат нарушения хронологии и хронотопа.

Фактоидные сообщения имеют манипулятивный характер и направлены на оказание прагматического воздействия на индивида, вызывают яркую эмоциональную реакцию (испуг, страх, возмущение, панику), вводя человека в заблуждение. Они удерживают внимание целевой аудитории на негативных моментах, создают сенсационность, манипулируют общественным мнением. Апелляция к эмоциям является основным критерием, отличающим фактоид [19]. Причем детям и подросткам, которые являются потребителями данного контента в сети Интернет, зачастую очень сложно разобраться в достоверности информации, поэтому распространение подобного контента может оказывать на них существенное влияние и создавать условия для осуществления манипуляционного воздействия.

В. Г. Рошупкин характеризует манипуляционное воздействие как способ психологического воздействия, нацеленный на изменение направления активности других людей, осуществляемый незаметно для них, и выделяет три уровня манипулирования:

- усиление существующих в сознании людей нужных идей, мотивов, установок, норм и ценностей;
- частые небольшие изменения взглядов людей на определенное событие или факт, что также производит определенное воздействие на отношение к конкретному явлению;
- посредством сообщения индивиду новых сенсационных и необычайно важных сведений происходит коренное изменение жизненных установок человека [18].

Как правило, с детьми и подростками этот процесс протекает быстрее за счет возрастных особенностей и особенностей психоэмоционального развития, а также из-за отсутствия рефлексии и критического мышления, которые являются механизмами психологической защиты.

Одной из технологий, используемых в процессе манипуляционного воздействия, является технология *мягкой силы* или *soft power*. Технология *soft power* воздействует таким образом, что субъект добровольно ей подчиняется и воспринимает результат воздействия как свой собственный самостоятельный выбор. Автором понятия является один из основателей нелиберальной школы международной политики Дж. Най. По его мнению, *soft power* – это умение делать так, чтобы другие захотели тех же результатов, что и вы, умение вовлекать и объединять людей, а не принуждать их [20]. Инструментами воздействия выступают интеллектуальные паттерны, привлекательные идеи и символы, визуальные и аудиальные образы, притягивающие внимание. В основе такого рода воздействия лежат механизмы культурно-индивидуалистического, рыночно-маркетингового и шоу-политического соблазна, а само воздействие на индивида происходит на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях.

Именно по этой причине одним из наиболее распространенных способов воздействия, особенно в молодежной среде, являются интернет-мемы, которые широко используются в ненасильственном микромоделировании современных детей и подростков. Информация в меме представлена в очень сжатом виде, но при этом она быстро считывается и проста для воспроизводства и распространения. Она воздействует на подсознательном уровне, а объект воздействия сам определяет его смысл и формирует реакцию, смоделированную смыслом мема. Распространение мемов происходит в контексте общекультурного и социально-политического дискурса и чаще всего имеет негативный окрас. Опасный контент интернет-мемов может быть одним из способов формирования деструктивного поведения молодежной и подростковой аудитории. С помощью апелляции к прецедентным феноменам, юмора, гиперболизации, метафоризации, использования ложных фактов и домысливания информации происходит формирование позитивного отношения к деструктивности и асоциальным нормам. При этом использование интернет-мемов может способствовать проявлению социальной напряженности, одним из видов которой могут быть протестные формы социальной активности, а также агрессивного поведения [21].

Еще одной технологией манипулирования, распространенной в сети Интернет, является *надж*, или технология подталкивания. Суть данной технологии сводится к тому, что с помощью положительного подкрепления и не прямых указаний оказывается влияние на процесс принятия индивидуальных или групповых решений. Надж ориентирует людей, задавая им определенное направление поведения, при этом он не принимает явную форму манипуляции или обмана. Примерами подталкивания могут служить дизайн сайтов, когда нужная информация располагается на переднем плане или в более крупном формате, а также гипертекстуальность самого текста, представляющая систему связи между отдельными интернет-ресурсами при помощи гиперссылок [22]. Использование в тексте гиперссылок может носить субъективный характер, а информация по гиперссылке представляться в одностороннем порядке, создавая предпосылки для дальнейшего манипулятивного воздействия.

Технология *наджа* строится на нескольких постулатах. Во-первых, несмотря на различие стереотипов и привычек как отдельных лиц, так и групп, обработка больших данных сети Интернет позволяет получить верифицированную информацию о пользователях и социальных группах, что может быть использовано в прогнозировании их социального поведения. Во-вторых, за счет технических возможностей интернет-сервисов пользователи оказываются в ситуации, когда самым легким решением оказывается именно то, которое было изначально запрограммировано разработчиками при создании ситуации [23].

Самым ярким примером такого воздействия является алгоритм поискового запроса, при котором пользователю, набравшему слово или несколько символов в поисковой строке, предлагается выбор из нескольких вариантов, по которым он сможет продолжить свой поиск, а информация выдается в релевантном порядке, учитывая интересы пользователя. Технология персонализированного подбора информации в условиях информационной среды, которая основана на местоположении пользователя, истории его прошлых запросов, предпочтений и интересов, способствуют возникновению эффекта *пузыря фильтров*. За счет фильтрации информации пользователи оказываются отрезанными от новых идей или полезной информации, создается впечатление, что именно их интересы и идеи – это и есть все то, что существует и окружает пользователя. Человек оказывается в информационном пузыре, что делает его более уязвимым для манипуляционного воздействия.

Социальные сети являются социальной структурой, состоящей из множества индивидуальных и коллективных субъектов и их отношений. На сегодняшний день соцсети не только обеспечивают коммуникацию и обмен информацией и мнениями, но также могут быть использованы для манипулирования отдельными людьми, социальными группами и сетевым сообществом в целом [24]. С точки зрения концепции аутопойезиса Н. Лумана каждая социальная сеть представляет собой систему. Социальная сеть имеет собственные границы и структуру; за счет применения цифровых технологий в сети производятся базовые социальные структуры; сеть является замкнутой и самореферентной. Базовым элементом социальной сети является цифровая коммуникация, осуществляемая посредством информационного обмена между пользователями. Личная информация пользователей социальной сети, содержащаяся в постах, публикациях, видео, рилсах и пр., одновременно является ее языком и культурным кодом.

Развитие как всего Интернета в целом, так и отдельных коммуникативных практик подростков в социальных сетях сопряжено с формированием рисков и угроз их безопасности. В силу возрастных особенностей, проводя значительную часть времени в социальных сетях, они оказываются один на один с потоком информации, который зачастую сложно контролировать со стороны взрослых, что может способствовать формированию у них антисоциальных установок [25].

В социальных сетях наблюдается эффект эхо-камеры, способный оказать значительное информационно-психологическое воздействие, в т.ч. и на подростковую аудиторию. В сети происходит распространение идей и убеждений, соответствующих целям субъекта управления, за счет передачи сообщений или их повторения внутри закрытой системы (сетевое сообщество, интернет-блог и пр.). Подростки, находящиеся внутри такой закрытой системы, мало восприимчивы к альтернативным точкам зрения и ориентируются на взгляды единомышленников или референтной группы. Таким образом, окружая себя людьми, придерживающимися аналогичной позиции, подростки, с одной стороны, подкрепляют свою собственную систему убеждений, а с другой стороны, искажают целостность картины собственного мировосприятия.

Социальные сети могут оказать мобилизационное воздействие, которое можно разделить на три этапа:

1. Пользователи проявляют интерес к обсуждаемой проблеме, в результате чего увеличивается гражданская активность, расширяются и укрепляются горизонтальные связи внутри сообщества.

2. За счет эффекта эхо-камеры и кластеризации происходит расширение аудитории, при этом развивается коллективное мышление, появляется внутригрупповое управление, участники начинают выполнять определенные функции.

3. Происходит развитие активных и согласованных форм поведения пользователей и их выход за пределы информационного пространства. Призывы к коллективным действиям и закрепление определенного образа в сознании пользователей обеспечивают управление группой, которое может быть направлено на участие в массовых акциях, выступлениях и других событиях [26].

Здесь и далее будет идти речь именно о детях старше 14 лет, т.к. пользовательским соглашением большинства социальных сетей установлен именно этот возрастной порог для регистрации в сети. Подростки, общаясь и проводя время в социальных сетях, оставляют цифровые следы в виде персональных данных и записей, раскрывают свои увлечения через лайки и комментарии, что может быть использовано для автоматического и достаточно точного прогнозирования и адресного воздействия. В социальных сетях широко распространена технология *таргетинга*, позволяющая выделить из всей имеющейся аудитории целевую часть, удовлетворяющую заданным критериям, на которую осуществляется воздействие с учетом индивидуальных характеристик. Могут применяться такие виды таргетинга, как тематический, по интересам, географический, локальный, временной, социально-демографический (по половозрастным характеристикам и другим социальным критериям), поведенческий (с учетом информации, полученной при сборе cookie-файлов) и геоповеденческий (с учетом перемещения субъекта). Используя данную технологию, можно достаточно четко выявить привычки и интересы подростков, что может быть использовано в процессе манипуляционного воздействия.

Следующей технологией воздействия на сознание подростков, распространенной в современных социальных сетях, является *троллинг* – размещение провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путем нарушения социальных и этических норм интернет-взаимодействия. Преимуществами троллинга выступают усиление эффекта массовости, а также возможность повысить уровень доверия к источнику «разоблачительной» информации и расширить круг ее получателей.

Еще одной технологией манипуляционного воздействия является *астротурфинг*, т.е. использование ботов или специально нанятых пользователей для искусственного управления общественным мнением.

Широкое распространение астротурфинга в социальных сетях объясняется тем, что возможность сохранять анонимность позволяет имитировать массовость, поскольку пользователю трудно идентифицировать ботов или определить поддельность учетной записи. Эффективность астротурфинга основана на эффекте группового социального подкрепления. В основном он используется для продвижения или вытеснения определенных идей посредством создания подставных групп пользователей, размещающих комментарии; для распространения идей, которые будут поддержаны и ретранслированы большим числом мнимых пользователей; для поднятия рейтинга и популярности определенной информации за счет накрутки просмотров. Учетным записям, используемым в астротурфинге, придается видимость правдоподобности путем заполнения информации в профилях или генерирования интернет-активности при помощи программного обеспечения. По такой же схеме создаются и блоги с накрученным количеством пользователей, которые могут быть использованы для распространения информации, продвигающей чьи-либо интересы. Технология астротурфинга может использоваться в подростковой среде для пропаганды, направленной на популяризацию и распространение деструктивных моделей поведения и вовлечение в противоправную деятельность.

Одной из форм проявления деструктивных моделей поведения в социальных сетях является *кибербуллинг*, т.е. агрессивные действия, направленные против жертвы, осуществляемые систематически на протяжении определенного промежутка времени посредством различных форм взаимодействия от игриво-шуточного до виртуального террора, результатом которого может стать самоубийство [23]. Основной целью кибербуллинга является ухудшение эмоционального состояния жертвы, разрушение ее социальных отношений. Это одна из самых опасных форм киберагрессии, потому как подростки, подверженные онлайн-травле, могут пострадать как психически или эмоционально, так и физически, поскольку может произойти выход агрессии из онлайн-пространства в реальность [26]. Кибербуллинг может осуществляться путем рассылки оскорбительных сообщений, а также раскрытия и распространения личной информации либо

неправдоподобных сведений о пострадавшем. Необходимо отметить, что по отношению к подросткам кибербуллинг может носить как субъектный, так и объектный характер, т.е. подросток может выступать либо в качестве жертвы, либо в качестве провокатора.

Особую опасность в социальных сетях для подростков представляет распространение сообществ, представляющих угрозу их мировоззренческой безопасности, а именно делинквентных субкультур. Наибольшую угрозу могут представлять следующие сообщества:

- субкультуры андеграунда, основанные на пропаганде и вовлечении подростков в криминальные и околориминальные субкультуры. Самым ярким примером являются сообщества АУЕ, начавшие маскироваться под «пацанские» после признания данной идеологии экстремистской;
- сообщества, объединенные идеей человеконенавистничества: колумбайнеры – поклонники массовых убийств в школах и тех, кто их совершил; М.К.У. – неонацистская организация⁶; чистильщики – последователи банды молодых людей, осужденных за жестокие убийства лиц без определенного места жительства; true crime community, или сообщество интересующихся настоящими преступлениями;
- сообщества, объединенные мизогинными идеями: инцелы, т.е. неспособные найти себе сексуального партнера; маносферы, пропагандирующие маскулинность и ненависть к женщинам; мужское движение или мужское государство⁷, осуществляющие травлю женщин, которые, по мнению последователей, были уличены в неприличном поведении, представитель ЛГБТ-сообщества;
- сообщества аутодеструктивного контента: группы смерти; пропаганды селфхарма или самоповреждений; пропаганды моды на булимию (сообщества анорексичек); увлечений, связанных с риском для жизни, таких как руферство, зацепинг, опасные селфи, диггерство и пр.;
- сообщества, объединенные пропагандой анти-семейных ценностей: чайлдфри;
- сообщества экстремистки-террористического толка: неонацисты, шовинисты, радикальные националисты и др. [26; 27].

⁶ Международное движение «Маньяки Культ Убийц» (другие используемые наименования «Маньяки Культ Убийств», «Молодежь Которая Улыбается», М.К.У.) признано террористическим и запрещено в РФ решением Верховного Суда РФ № АКПИ22-1227С от 16.01.2023.

⁷ Межрегиональное объединение «Мужское государство» признано экстремистским и запрещено в РФ решением Нижегородского областного суда от 18.10.2021.

Технология вербовки в сетевое деструктивное сообщество осуществляется с использованием 4 последовательных этапов. На первом этапе происходит начальное знакомство (латентно также поиск / отбор) пользователей с деструктивным контентом, наблюдается увеличение числа подписчиков сообщества. На втором этапе идет формирование интереса за счет взаимодействия пользователей с деструктивным контентом (репосты, лайки, тематические сторис и пр.). На этом этапе пользователи начинают использовать символику, субкультурного сленга, идет дифференциация пользователей по типу своей – чужой. На третьем этапе осуществляется культивация желаний, пользователи подписываются на паблики определенной направленности, скачивают контент из внешних источников, ссылки на которые обычно находят в этих пабликах, получают знаки отличия (прозвища, имена, роли в сети сообщества и пр.), выполняют задания, чтобы перейти к следующему этапу. На заключительном четвертом этапе пользователи уже обладают мотивацией к действию, они объединяются в сообщества закрытого типа, среди пользователей распространяются инструкции (в зависимости от вида деструктивного сообщества по ограничению общения, поведению с родителями, выполнению заданий «игры», проведению акций и пр.), осуществляются призывы к насилию [13].

Заключение

Развитие современно цифрового общества оказывает существенное влияние на детскую и подростковую аудиторию. В силу своих возрастных и психофизиологических особенностей развитие молодое

поколение оказывается уязвимым перед различными рисками и угрозами, которые несет в себе цифровая среда и ее наполнение. Развитие цифровых технологий приводит к появлению новых потенциальных рисков и угроз, способных оказать негативное влияние на молодое поколение. Для противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию на детей и подростков необходим системный подход, развитие междисциплинарных исследований, совместная работа гуманитарных и технических специалистов. Значительную роль сохраняют живые коммуникативные практики, способные как формировать, так и снижать сетевые риски и угрозы коммуникации детей и подростков.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZSR-2023-0006 «Сетевая социально-политическая мобилизация в регионах ресурсного типа Сибири: исследовательские возможности инструментов data-mining».

Funding: The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the project FZSR-2023-0006 "Network Socio-Political Mobilization in Resource-Type Regions of Siberia: Research Capabilities of Data-Mining Tools".

Литература / References

1. Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса. *Теория коммуникации & прикладная коммуникация*. Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. Вып. 2. С. 217–226. [Rozina I. N. Computer-mediated communication in practice of education and business. *Communication theory and practice*. Rostov-on-Don: IMBL, 2004, iss. 2, 217–226. (In Russ.)]
2. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя. *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 6. С. 79–94. [Galyashina E. I., Nikishin V. D. Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview. *Lex Russica*, 2021, 74(6): 79–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094>
3. Титлова А. С. Типообразующие признаки текста микроблога и их влияние на процессы понимания. *Вестник Башкирского университета*. 2017. Т. 22. № 2. С. 501–505. [Titlova A. S. Type-forming features of a microblog text and their impact on the comprehension processes. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2017, 22(2): 501–505. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zaotkb>
4. Taheri-Boshrooyeh S., K p u A.,  zkasap  . Security and privacy of distributed online social networks. *Distributed Computing Systems Workshop: Proc. IEEE 35th Intern. Conf., Columbus, 29 Jun – 2 July 2015*. IEEE, 2015, 112–119. <https://doi.org/10.1109/ICDCSW.2015.30>

5. Slaughter-Defoe D. T., Wang Z. Information security of children's data: from "ego" to "social comparison" – cultural transmission and child data protection policies and laws in a digital age. *Harboring data: information security, law, and the corporation*, ed. Matwyshyn A. M. Redwood City, 2009, 145–156. <https://doi.org/10.11126/stanford/9780804760089.003.0009>
6. Macaulay P. J. R., Betts L. R. Cyberbullying in school. The role of teachers. *Cyberbullying and values education. Implications for family and school education*, eds. Leung A. N. M., Chan K. K. S., Ng C. S. M., Lee J. C.-K. Routledge, 2023, 156–171. <https://doi.org/10.4324/9781003314509-13>
7. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. [Bek U. *Risk society: on the way to a different modernity*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2000, 384. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/raytkj>
8. Чистяков А. В. Социализация личности в виртуальном пространстве. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 182 с. [Chistyakov A. V. *Personality socialization in virtual space*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2006, 182. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qogfnz>
9. Чванова М. С., Анурьева М. С., Киселева И. А. Влияние Интернета на социализацию молодежи. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 22. № 5. С. 23–36. [Chvanova M. S., Anurieva M. S., Kiseleva I. A. The influence of the internet on the socialization of youth. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2017, 22(5): 23–36. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-5\(169\)-23-36](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-23-36)
10. Юдина Е. Н., Захарова С. А. Социальные сети Интернета в контексте теории автопоэзиса Н. Лумана. *Вестник университета*. 2016. № 10. С. 254–260. [Yudina E. N., Zakharova S. A. Social networks of the internet within the theory of autopoiesis by Niklas Luhmann. *Vestnik Universiteta*, 2016, (10): 254–260. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xccqsx>
11. Шуликов К. А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2023. № 2. С. 176–182. [Shulikov K. A. Destructive content: concept, administrative and legal characteristics, types. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2023, (2): 176–182. (In Russ.)] https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_176
12. Карабанова О. А., Молчанов С. В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков. *Национальный психологический журнал*. 2018. № 3. С. 37–46. [Karabanova O. A., Molchanov S. V. Risks of negative impact of information products on mental development and behavior of children and adolescents. *National Psychological Journal*, 2018, (3): 37–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2018>
13. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений. *Lex Russica (Русский закон)*, 2022. Т. 75. № 11. С. 131–148. [Nikishin V. D. Harmful information in internet media: the "Overton window" and destructive network content interrelationships. *Lex Russica*, 2022, 75(11): 131–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148>
14. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. «Токсичный» контент в сети интернет и его влияние на радикализацию молодежи. *Научный портал МВД России*. 2020. № 4. С. 35–44. [Sundiev I. Y., Smirnov A. A. "Toxic" content on the internet and its impact on youth radicalization. *Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2020, (4): 35–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vnamip>
15. Солдатова Г. В., Гостимская О. С., Кропалева Е. Ю. Пойманные одной сетью. *Дети в информационном обществе*. 2010. № 3. С. 36–43. [Soldatova G. V., Gostimskaia O. S., Kropaleva E. Yu. Caught in the same net. *Deti v informatsionnom obshchestve*, 2010, (3): 36–43. (In Russ.)]
16. Макашева М. Н. Сеть интернет и общая оценка ее влияния на личность несовершеннолетнего. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 3. С. 102–109. [Makasheva M. N. The Internet and general assessment of its impact on the personality of a minor. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (3): 102–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-102-109>
17. Караяни А. Г., Зинченко Ю. П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. М.: Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. 230 с. [Karayani A. G., Zinchenko Yu. P. *Information and psychological warfare in war: history, methodology, practice*. Moscow: Fakultet psikhologii MGU imeni M. V. Lomonosova, 2007, 230. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uahxof>
18. Рощупкин В. Г. Информационно-психологическое противоборство и обеспечение информационной безопасности. Самара: Самарский университет, 2018. 92 с. [Roshchupkin V. G. *Information-psychological warfare and information security*. Samara: Samara University, 2018, 92. (In Russ.)]

19. Воякина Е. Ю. Лингвистические и экстралингвистические маркеры фактоидов в современной интернет-коммуникации. *Преподаватель XXI век*. 2023. № 1-2. С. 357–370. [Voyakina E. Yu. Linguistic and extralinguistic markers of factoids in modern internet communication. *Prepodavatel XXI vek*, 2023, (1-2): 357–370. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-1-357-370>
20. Най Дж. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения. *Свободная мысль*. 2004. № 10. С. 33–41. [Nye J. Soft power and European-American affairs. *Svobodnaya mysl*, 2004, (10): 33–41. (In Russ.)]
21. Титлова А. С. Влияние гипертекстуальности интернет-текста на степень его воздействующего потенциала. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 1-3. С. 66–68. [Titlova A. S. The influence of hypertextuality of the internet text on the degree of its impact potential. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, (1-3): 66–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-66-68>
22. Бабикова М. Р. Вербально-иконические механизмы воздействия технологии Soft power (анализ контента социальных сетей «ВКонтакте», «Instagram», «Telegram»). *Политическая лингвистика*. 2022. № 2. С. 60–66. [Babikova M. R. Verbal-iconic mechanisms of influence of soft power technology (content analysis of social networks "VKontakte", "Instagram", "Telegram"). *Political Linguistics*, 2022, (2): 60–66. (In Russ.)]
23. Виловатых А. В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17. № 2. С. 149–164. [Vilovatykh A. V. Manipulation of social behavior under the digitalization of social environment. *Discourse-Pi*, 2020, 17(2): 149–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>
24. Саркисян Г. Г., Булгаков С. С. Деструктивное информационное воздействие в сети интернет: постановка проблемы. *Труды Академии управления МВД России*. 2023. № 2. С. 138–144. [Sarkisyan G. G., Bulgakov S. S. Destructive information impact on the internet: problem statement. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2023, (2): 138–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-266-138-144>
25. Ершова Ю. А. Социальные сети в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодежи: культурологический анализ. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2020. Т. 6. № 4. С. 70–81. [Ershova Yu. A. Social networks in the process of forming the value orientations of modern youth: culturological analysis. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*, 2020, 6(4): 70–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ikbbkl>
26. Путинцева А. В. Развитие феномена «кибербуллинг»: анализ подходов к определению. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 3. С. 51–57. [Putintseva A. V. Development of the cyberbullying phenomenon: analysis of approaches to definition. *Vestnik Ufimskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, (3): 51–57. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iubowm>
27. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя. *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 6. С. 79–94. [Galyashina E. I., Nikishin V. D. Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview. *Lex Russica*, 2021, 74(6): 79–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094>